

A young couple with long blonde hair and a man with short brown hair are smiling and embracing each other outdoors. The woman is wearing a red top, and the man is wearing a blue and white checkered shirt. The background is a soft-focus green field. The title 'ВЕРА КОЛОЧКОВА' is overlaid in large white letters on a dark red background.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

УМЯГЧЕНИЕ ЗЛЫХ СЕРДЕЦ

Вера Колочкова

Умягчение злых сердец

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Колочкова В. А.

Умягчение злых сердец / В. А. Колочкова — «Эксмо», 2016

ISBN 978-5-699-93855-1

После гибели мамы маленькая Тая осталась круглой сиротой. Опекун над семилетней девочкой сумел оформить мамин сожитель, бизнесмен Филипп Рогов. Долгие годы никто, кроме Таи, самого Рогова и его сестры Руфины, не знал оборотной стороны этого страшного «опекунства»... И даже когда Рогов решил жениться на своей повзрослевшей жертве, она не в силах была освободиться... и в тайне надеялась, что, может, все-таки кто-то ее спасет. Может, это будет чья-то любовь – настоящая и искренняя любовь, которая не гордится, не бесчинствует, не ищет своего и не мыслит зла?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-93855-1

© Колочкова В. А., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Часть I	6
Часть II	13
Часть III	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Вера Колочкова

Умягчение злых сердец

© Колочкова В., 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

*«Лолита, свет моей жизни, огонь моих чресел. Грех мой, душа моя.
Ло-ли-та: кончик языка совершает путь в три шажка вниз по нёбу,
чтобы на третьем толкнуться о зубы. Ло. Ли. Та.»*

Владимир Набоков «Лолита»

*«...И тебе самой оружие пройдет душу, – да откроются
помышления многих сердец.»*

Пророчество святого Симеона Богоприимца

Часть I

Утреннее солнце не было назойливым, но явно готовилось к подлости, обещая нестерпимый полуденный зной. Глядело на землю, расслабляясь улыбочиво – не время еще, не время, отдыхайте пока, люди-человеки... Наслаждайтесь пением птиц, ветерком и ультрафиолетом, страшно полезным об эту пору. А ближе к обеду – уже я вас. Кто не спрятался, я не виновато.

Люди наслаждались, как умели. Всяк по-разному наслаждался. А кто и вообще не замечал ни пения птиц, ни ветерка, ни уж тем более ультрафиолета, страшно полезного об эту пору. Буднее выдалось утро, для большинства людей торопливо бестолковое, озабоченное добыванием хлеба насущного. А что делать, если отсутствие хлеба насущного – еще большая подлость, чем грядущий нестерпимый полуденный зной?

Но были и такие, кто и впрямь наслаждался по всем гедонистическим установкам, то есть обстоятельно и со вкусом, неторопливо усваивая халявно полезный ультрафиолет. Вот эта парочка, например, с комфортом расположившаяся у бассейна в шезлонгах. Странная на вид парочка – мужчина хоть и вальяжный, но явно в летах, а девушка совсем юная... Почти дитя. Невысокого роста, белокожая и белобрысенькая, и такая тоненькая, что можно насквозь проткнуть ударом солнечного луча. Олицетворение нежности, а не девушка. Таких девушек или на руках носят, или уничтожают в ярости, потому что у них, у земных мужчин, ярость и нежность, бывает, сочетаются странным образом...

Но неужели эти ловцы утреннего комфорта – отец с дочерью? Вроде не похож этот вальяжный на отца. Потому что настоящие отцы на дочерей так не смотрят. Надо же, какой странный взгляд – похлеще полуденного зноя. То ли страданием полон, то ли счастьем до ужаса нестерпимым... Если еще страдания поддать, и впрямь до ярости дело дойдет. А впрочем, не пристало светилу вглядываться в отдельные человеческие лица. Лиц много, а светило – одно. Кто бы вы ни были – вообще без разницы. Так, если позволить себе пару минут праздного солнечного любопытства... Послушать, о чем они говорят...

Ага. И голосок у девушки тоже нежный, вон как прозвенел колокольцем в сторону вальяжного:

– Фил... Можно, я в бассейне поплаваю?

– Конечно, Таечка... Зачем спрашиваешь? Отныне ты здесь хозяйка, делай что хочешь.

– Извини, я не успела привыкнуть... Разве можно за два дня привыкнуть?

– Да, конечно, я понимаю, милая. Сразу привыкнуть трудно. Тем более у тебя стресс после школьных выпускных экзаменов еще не закончился. Трудно выйти из одной реки и сразу войти в другую, а у тебя так и получилось – от школьной парты сразу в замужество прыгнула. А я тебя поймал...

– Да, поймал... – эхом-колокольцем откликнулась Тая, выбираясь из шезлонга. – Пойду искупаюсь...

– Иди, милая, иди. Возвращайся быстрее, я буду скучать.

Мужчина поморщился, услышав нотки смешливого подбострастия в своем голосе. Хоть и смешливое оно, а все равно похоже на козлиный трепет. Надо бы научиться придерживать в себе подбострастие. И сердце придерживать, чтобы не бухало счастьем до одурения. Но как, как его придержишь? Все равно бухает, зараза, и ничего с ним не сделаешь!

Ах, как она идет, Таечка, девочка... Какая чудная грация движений! Тут и нежность, и угловатость, и подростковая неловкость от того, что чувствует на себе его взгляд... А как прелестно косолапит, ступая босой ногой на теплую плитку! Нет, это невыносимо, в конце концов. Сердце плавится избытком счастья, тает, как свеча. Таечка моя, Таечка. Сердце тает от Таечки...

Оп! Нырнула рыбкой в бассейн, поплыла. И впрямь косточка рыба – тонкая и гибкая, будто насквозь просвеченная солнцем. Волосы мокрые прилипли к щекам, убрала их быстрым небрежным жестом. Да и волосы у нее тоже необыкновенные – природная платина, редкий оттенок. И на ощупь нежные и гладкие. За что, за что ему такое счастье, господи? Наверное, бывают минуты, когда с приступом счастья труднее справиться, чем с несчастьем.

Мужчина вздохнул, грузно перекинул ногу на ногу. И вдруг увидел себя со стороны – сидит пузатое чудовище, пускает слюни в сторону бассейна, где плещется юная белорыбица, совсем голову потерял. Давно надо было на диету сесть и спортом заняться! Понятно, что все свободное время бизнес отнимает, но теперь, когда Таечка рядом... А впрочем, ладно. И так сойдет. И не такое уж он чудовище, если по большому счету. Голова, конечно, седая, но не лысая же! И вообще, не пристало в его возрасте голодом себя морить да по тренажерным залам скакать. А живот можно в себя втянуть, если постараться. А может, и этого не надо. Говорят, в поздней мужской зрелости есть своя прелесть, тем более в зрелости ранней он был красавцем. А качество никуда не исчезает, оно перерастает в другое качество, гордо именуемое солидностью. Ничего, ничего... Найдется еще порох в пороховницах, на ближайшие годы для счастья хватит. И деньги найдутся, и порох...

Мужчина прикрыл глаза, недовольно дернул уголком рта. Надо же, каким киселем поплыл, уже и внешностью озаботился! Смешно! Это он-то, Филипп Рогов, которого каждая собака в этом городке боится! А все Таечка... Девочка-рыбка...

Со стороны дома уже поспешала Татьяна, держа на вытянутых руках поднос. Лицо ее было равнодушным и сосредоточенным. Хорошая домработница, ни одного любопытного взгляда в сторону Таечки себе не позволила, ни одного лишнего вопроса не задала. Хотя могла бы... Привыкла ведь, наверное, что он бобылем живет. А тут раз – и юная хозяйка на голову свалилась. «Надо будет поговорить потом с Таечкой, научить, в какой тональности следует общаться с Татьяной. Чтоб никакой лишней демократии себе не позволила, только короткий приказ – принеси, подай, сделай. А по-другому никак...» – подумал Филипп.

Татьяна поставила поднос на низкий столик между шезлонгами, взяла в руки кофейник, собираясь разлить кофе по чашкам.

– Не надо, я сам... – небрежно махнул он рукой, не отрывая взгляда от бассейна. – Ты свободна, Татьяна. Иди.

Женщина распрямилась, молча пошла по дорожке к дому. Было в ее движениях что-то автоматическое, хотя и не без нотки достоинства; так прислуга в богатом доме несет в себе горделивое осознание сопричастности к хозяйскому богатству.

– Таечка, завтракать! – весело крикнул в сторону бассейна Филипп. – Хватит плескаться, вылезай! Кофе остынет!

Девушка оперлась руками о край бассейна, ловко вынесла из воды свое рыбье тельце, потрясла головой, отгоняя с лица мокрые белые прядки. Мужчина смотрел на нее завороченно, словно не хотел упустить ни одной, даже самой незначительной детали этого действия. Вот она еще раз тряхнула головой, вот провела по плечам, по животу ладонями, сгоняя с себя воду, вот пошла по дорожке, оскальзываясь на гладкой плитке мокрыми ступнями и неуклюже держа равновесие. Ближе к нему, ближе... Наконец плюхнулась в шезлонг, жадно припала губами к стакану с апельсиновым соком.

А Филипп все смотрел на нее, забыв про кофе. Много чего было в этом взгляде – и обожание, и страсть, и неизбывная мука, и даже что-то звериное, стерегущее каждое движение своей драгоценной добычи. Вот «добыча» поставила на поднос пустой стакан, произнесла тихо, не глядя на него:

- Фил, у тебя мобильник...
- Что, Таечка?
- Мобильник давно надывается.

– Да? Да, конечно. Как это я не услышал! Я с тобой рядом про все забываю. И как мило ты меня называешь – Фил... Мне нравится!

– Но ты же сам просил, чтобы я тебя так называла.

– Серьезно? А я не помню... погоди, сейчас на звонок отвечу.

Филипп наклонился, выудил мобильник из кармана махрового халата, небрежно брошенного на траву рядом с шезлонгом.

– Да, слушаю... Да, я Рогов Филипп Сергеевич. Документы готовы? Что ж, это замечательно. Да, я сегодня приеду, все подпишу. Когда? Часа через два... Или три... Да, до встречи. Отбой.

Он говорил резко, слегка раздраженно, хотя новости, в общем, были хорошие. Все идет по плану, как и следовало быть. Просто ему казалось, что деловые разговоры рядом с Таечкой были, ну... Не совсем уместны, что ли. Оскорбляли мучительное и прекрасное созерцание.

Тая смотрела на него сквозь ресницы, пока он говорил. Потом прижала к губам фалангу указательного пальца, свела к переносью белесые бровки. Чем-то озадачилась, стало быть.

– Что, Таечка? Что тебя так потревожило?

– Нет, ничего... Значит, я тоже буду Рогова, да? Когда мы распишемся?

– Конечно... А что не так? Тебе фамилия моя не нравится?

– Да нет... Мне все равно, в общем. Пусть будет Рогова.

Девушка улыбнулась, отвела взгляд. Казалось, все ее внимание сосредоточилось на солнечных бликах, играющих голубой водой бассейна. Филипп налил себе кофе, глотнул, недовольно дернул уголком рта. Кофе был едва теплым.

Филипп Рогов терпеть не мог теплого кофе. Как не мог терпеть всего, что являлось поводом для досады. И само чувство досады терпеть не мог. Но рядом с Таечкой... Пусть. И кофе может быть едва теплым. Да пусть даже холодным – не важно. А недовольство пришло из той жизни, в которой не было рядом Таечки. То есть она была, но... Не рядом.

Вдруг Таечка повернула в его сторону голову, спросила резко:

– А моя мама тоже в бассейне купалась, да?

Рука от неожиданности дрогнула, кофе выплеснулся на пальцы. Филипп медленно потянул руку с чашкой к подносу, будто специально тянул время, потом долго и тщательно протирал пальцы салфеткой. Наконец ответил ровным тихим голосом:

– Тогда бассейна еще не было, Таечка.

Она должна была услышать его тихое недовольство. Но не услышала. Или не захотела слышать. Взгляд ее был хоть и пуглив, но упрям.

– Фил... Ты мне никогда не рассказывал, как мама умерла...

Недовольство в глазах мужчины плеснулось уже более основательно, хотя голос по-прежнему звучал нежно, с теми же подбострастными нотками:

– Таечка, но что я должен рассказывать? Ты же сама все прекрасно знаешь... Твоя мама была больна, умерла от сердечного приступа. Что же делать, Таечка, никто не виноват, это судьба. И вообще, мы с тобой много раз это обсуждали.

– Это ты обсуждал. Я не обсуждала.

– ...И обо всем договорились, помнишь? Мама там, на небе, радуется за тебя. За нас...

– За нас?

– Ну да. Я очень люблю тебя, я сделаю тебя счастливой... Каждая мать хочет счастья своей дочери.

– Да, я понимаю, Филипп. А только... Если бы мама была жива? Как бы она отнеслась к нашим... К нашей скорой свадьбе?

– Не знаю, Таечка. В вопросах жизни и смерти не существует сослагательного наклонения. Мне кажется, ты задаешь глупые и нелепые вопросы.

– Почему глупые и нелепые?

– Потому что мамы больше нет... Давно нет... И я не хочу, чтобы ты на этом заиклась. Потому что это и для тебя неправильно, и для мамы... Отпусти маму, не думай о ней.

– Но я не могу...

– Тая! Что с тобой, девочка моя? Нет, я понимаю, если бы мама недавно умерла... Но десять лет прошло! И ты уже не ребенок! Не ожидал от тебя.

– Не сердись, Филипп. Извини, я больше не буду.

Тая отвела глаза, обхватила себя руками за плечи, поежилась. Потом, будто преодолевая внутреннее смятение, быстро проговорила:

– Я больше не буду, Филипп, правда! Ты только расскажи, как она умерла. Вернее, где она умерла. В какой комнате... Я должна знать. Не понимаю почему, но мне это важно... В спальне? В гостиной? В твоём кабинете? Где, Филипп?

Рогов молча поднялся, накинул на плечи халат. Может, слишком поспешно поднялся, и сам увидел со стороны эту трусоватую поспешность, и разозлился на себя, и с трудом закамуфлировал злость крайне озабоченной интонацией голоса:

– Извини, Таечка, но я должен уехать... А ты привыкай тут, осваивайся. Помни, что это твой дом, отныне ты здесь хозяйка.

– Хорошо... – вяло улыбнулась Таечка, отвернувшись.

– Не грусти, я ненадолго... После обеда вернусь. А может, и к обеду успею.

– А можно я с тобой?

– Я еду по делам.

– Ну и что? Ты будешь делами заниматься, а я просто по городу погуляю.

– Это плохая затея, Таечка. Тем более день будет очень жарким. Пыль, духота... Но если тебе очень хочется прогуляться... Давай в другой раз, договорились?

– Хорошо, в другой раз. Но мне правда очень хочется посмотреть на город.

– В этом городе нет ничего интересного, уверяю тебя.

– Да, наверное. Но здесь жила моя мама... Как ты думаешь, ее кто-нибудь помнит? Она ведь здесь выросла, школу окончила... Были же у нее какие-то одноклассники, знакомые.

– Вряд ли кто-то ее здесь помнит, милая. Столько времени прошло. Тем более и спросить не у кого. Я не знаю ни одной подруги твоей мамы. А может, никаких подруг у нее и не было. Ни подруг, ни знакомых, ни родственников.

– Так не бывает, Филипп.

– Бывает. Она ведь была сирота, ее бабушка вырастила. Но бабушка давно умерла... Ты и не помнишь ее, наверное.

– Почему же? Я помню бабушку, только очень смутно. Скажи, Филипп... А ты маму любил?

– Таечка, Таечка... Не надо мучить вопросами ни себя, ни меня. Я должен ехать, времени нет ни минуты. И я очень прошу – не спрашивай больше про маму, хорошо? Ты уже не ребенок, должна понимать... Мне тяжело отвечать на твои вопросы. И тебе тяжело.

– Да, я понимаю. Тебе тяжело, мне тяжело. И все же...

– Все, Таечка, все! Мамы давно нет. А мы есть. И мы в этом не виноваты. Твоя мама очень хотела, чтобы ты была счастлива. И ты будешь счастлива. Я все сделаю для этого, доверься мне. Просто – доверься, ничего более. Ты меня услышала, Таечка?

Последний вопрос прозвучал с легким, но все-таки ощутимым нажимом, и девушка невольно втянула голову в плечи, глянула на Филиппа испуганно. Видимо, ей была знакома природа легкого, но ощутимого нажима в голосе этого мужчины.

– Да, я тебя услышала, Филипп, – произнесла она с тихой покорностью.

Рогов ничего не ответил, быстро пошел прочь, придерживая на груди халат. Через полчаса, свежесбривший и одетый в светлый льняной костюм, он уже садился в машину на место рядом с водителем, крупным бритоголовым детиной неопределенного возраста.

- Привет, Клим.
- Доброе утро, Филипп Сергеич. Куда едем?
- В администрацию.
- Понял...

Первые три минуты ехали молча. Рогов смотрел в окно на примелькавшийся и давно поднадоевший пасторальный пейзажик. Но надо отдать пейзажику должное – очень был симпатичный, хоть картину с него пиши. А что? Вполне... Вот она, милая природная пастораль, выдержанная в лучших традициях среднерусской возвышенности с ее широколиственными лесами, мощными черноземами и характерными, если уж полностью соблюсти географический официоз, континентально климатическими условиями. Вон там, за небольшим оврагом, будет дубовая прелестная рощица, потом дорога пойдет по холму, откуда мелькнет стеклянным изгибом речка, потом покажутся вдалеке первые городские строения. Да, когда-то он сам выбирал место для своей усадьбы. Тщательно выбирал. Так, чтобы не в городе, чтобы не дышать его плебейской пылью, но и чтобы город был недалеко, на расстоянии пешей доступности. Раньше и впрямь позволял себе в охотку пройтись, размять ноги, подышать полной грудью. Что такое для крепкого здорового мужика семь километров? Сплошное удовольствие – походя отмахать. Раньше вообще все было по-другому. Не было этих тяжелых оков, этой мучительной и счастливой неволи. Этого страха дурацкого не было.

– Хм, одноклассники... Почему вдруг?... Зачем?... – тихо пробормотал Рогов себе под нос, вспоминая давешний разговор с Таей.

– Что, Филипп Сергеич? – с готовностью переспросил Клим, чуть повернув голову и не отрывая взгляда от дороги.

– Ничего... Это я сам с собой разговариваю.

– А... Понятно. Я думал, чего спросить хотите.

– Слушай, Клим... А ты не знаешь, где сейчас Настины одноклассники? Чем занимаются? А главное, этот?... Ты понимаешь, о ком я говорю.

Клим едва заметно кивнул. Понимаю, мол. И чуть помедлил с ответом – наслаждался сопричастностью к общей с хозяином тайне.

Клим очень давно служил у Рогова. Преданно служил. Пожалуй, преданность была его единственным человеческим качеством, по которому он себя оценивал. Преданность и служение – что еще нужно для человеческого существа, наделенного недюжинной физической силой и обиженного отсутствием интеллекта, хоть самого мало-мальского? Шутница-природа уж так распорядилась, что поделается. Наверное, специально для Рогова расстаралась, образуя материал для тандема. Как минус притягивает плюс, так приказ притягивает желающих исполнить его безоговорочно. Так и Клим был хозяину предан без лести. По крайней мере, отсутствие заднего умысла в проявлении преданности демонстрировал истово, шибко и с удовольствием, почти как граф Аракчеев царю Александру Первому.

– Да что тем одноклассникам сделается, Филипп Сергеич, – протянул Клим интимно вальяжно, – все живы да здоровы, тянут свою жизнь помаленьку.

– А ты откуда знаешь?

– Так знаю, как не знать. Вы ж мне тогда сказали за ними приглядывать, вот я и приглядывал. Особенно за одноклассником.

– Ишь ты! Молодец...

– Стараюсь, Филипп Сергеич.

– Ну и как они?

– Да нормально, чего. Севка Марычев родителей похоронил, наследство справил, домишко купил на окраине города. Ничего такой домишко, жить можно. Жена его Светка совсем отоцала к возрасту, страшная стала, как атомная война.

– Да какой там возраст... Ты о чем? Они ж вроде молодые еще!

- Да какие молодые? Десять лет прошло, Филипп Сергеич.
- Да, десять лет прошло... Вернее, пробежало...
- Ну да. Тайке ведь сейчас около восемнадцати? А Насте было двадцать семь, когда она того... Померла то бишь. Вот и считайте... Если Насте было бы сейчас тридцать семь, то и Севке Марычеву сейчас тридцать семь. И Светке, жене его, столько же. Они ж одноклассники, все с одного года.
- Да понял я, понял! Что ты мне разжевываешь?
- Так это я к тому, что не шибко они молодые. Не такие резвые, как тогда.
- Ладно, понятно. Давай без уточнений. Значит, у них все хорошо, да?
- Ну вроде того. Сын у них вырос, между прочим. Хороший пацан получился, бойкий, на мотоцикле гоняет. В том году школу окончил, собирался в институт поступать, да не поступил, видно.
- Так вроде сейчас не проблема?.. Деньги плати, и будет тебе счастье высшего образования.
- Ну да... Только я ж объясняю – пацан у них шустрый, с характером и сам не захотел за родительские деньги такого счастья. Сказал, что на учебу себе заработает. Весь год на вашем заводе вкалывал, между прочим.
- Да? А я и не знал.
- Так вам и не надо, Филипп Сергеич. Зачем? Вы ж не обязаны каждого работягу в лицо знать?
- Ну да, ну да... Как, говоришь, его зовут, этого парня?
- Так Марычев Тарас...
- Молодец, Марычев Тарас. Уважаю таких упертых. Надо распорядиться, чтобы ему премию подкинули, пока я завод не продал.
- А что, покупатель уже есть?
- Есть, есть...
- Наш, местный покупатель-то?
- Нет, из Питера. Все документы уже готовы, остались небольшие формальности... А вообще, не задавай много вопросов, иначе сглазишь!
- Понял, прошу прощенья.
- Слушай, Клим... А эта, как ее... Забыл, как зовут. Милиционерша, тоже одноклассница... Она еще в дом приходила, когда Настя умерла, помнишь? Ну, типа дознание проводила...
- Да как не помнить, я все помню, Филипп Сергеич. Ее Кирой зовут. Кира Стрижак. Она и меня тогда допрашивала. Смешная такая, шибко-шибко серьезная, у-у-у... Молоко на губах не обсохло, а туда же... Она ж тогда только-только после института в нашу ментовку пристроилась, мамка ей местечко подогрела. Мамка-то у нее много лет следаком работала, я эту мамку хорошо знаю, было дело, встречались... Ух, сердитая баба, ушлая, как мужик...
- Ладно, ладно, знаю я про твои дела. Она, что ли, тебя на первую ходку отправила?
- Не, в этом не грешна, врать не буду. Тогда другой следак у меня был. А она, помню...
- Ладно, я не про мамку у тебя спрашиваю. Меня дочка интересуется. Как ее?
- Кира Стрижак.
- Ну и что она?
- Да ничего... Так в ментовке и служит. Сейчас уж не такая стала, не кровь с молоком, как раньше. Заматерела, обозлилась, и замуж никто не взял. Да и то, найди дурака, чтоб на погонах жениться! А мамка ее на пенсию ушла. Так и живут вдвоем в одной квартире. Как быстро время идет, поди ж ты... Десять лет...
- Ну это кому как. Для меня эти десять лет вечностью тянулись, Климушка.

– Ну понятно... Я, когда вчера Тайку увидел... Как вы ее привезли... И не узнал бы, правда. Такая пигалица была... А сейчас...

– Тихо, Клим. Дальше уже не твоя территория. Ты меня понял?

– Понял, понял... Простите, Филипп Сергеич.

– И хорошо, что понял. И вообще... Запомни раз и навсегда – Тайки больше нет. Она тебе не Тайка.

– А кто? – обалдело сморгнул маленькими глазками Клим.

– Конь в пальто. Хозяйка она тебе. Жена моя.

– Да понял я, понял, Филипп Сергеич... Прости дурака...

– Ладно, проехали. И вот еще что, Климушка... Ты проследи на всякий случай, чтобы к Тае никто близко не подходил. Чтоб никаких Настинных одноклассников и прочей шушеры даже близко не наблюдалось. Думаю, на месяц твоего пристального внимания хватит?

– А чего на месяц-то? Я могу и дольше...

– А дольше и не понадобится. Через месяц я завершаю все дела, в Испанию с молодой женой уезжаю. Я там дом купил, на берегу моря... Покоя хочу. Любви хочу. Хоть немного в покое прожить, что мне осталось...

– Счастливый вы, Филипп Сергеич. Завидки берут, аж печень шевелится.

– Ну и зря... Печенью шевелить вредно, желчью захлебнешься. А хочешь, я тебя с собой возьму, Климушка? За верную службу? Будешь у меня этим, как его?.. Мажордомом. А что? Неплохая идея, кстати. Подыщем тебе в пару горячую испанскую мажордомку... А? Как тебе моя идея?

– А что, я с благодарной душой, Филипп Сергеич!.. Я согласен. Здесь меня, кроме грехов, ничего не держит. И никто не держит. А мажордомка – это хорошо... Только мне бы не очень старую, да помясистой. Чтобы с крупом была. Я слышал, испанские бабы – они такие.

– Найдем, Климушка, найдем, не переживай. И с крупом найдем, и с мясом.

– Ага...

Они переглянулись коротко, заржали громко, в унисон. И тут же посерьезнели, будто отделились друг от друга на допустимое субординацией расстояние. За окном машины уже неслись городские строения, и Рогов откинул голову на подлокотник, собираясь с мыслями.

Да, десять лет... Долгих десять лет прошло. И пусть еще один месяц пройдет, всего один месяц... И все, и все! Он свободен, он счастлив!

А забавная была эта дознавательница, если вспомнить, если открутить назад десять лет... Как бишь ее? Кира Стрижак. Не повезло этой Кире – только приступила к честной ментовской службе, и вроде задницу надо рвать, чтобы перед начальством с хорошей стороны показаться, а тут на тебе – труп одноклассницы... Город маленький, по ранжиру и штат в ментовке маленький, на каждый труп отдельного дознавателя не назначишь. Кто будет разбирать – одноклассница, не одноклассница... Иди делай свое дело, помалкивай. Да, не повезло этой Кире... Каково ей было тогда, десять лет назад? Трудновато, поди?

Да уж, десять лет... Если представить... Если повернуть время вспять...

Часть II

– ...Мам, давай я сама, ладно? Мы ж договаривались, что ты не будешь меня опекать! Я понимаю, что первые дни работаю, и все такое... А из-за тебя весь райотдел надо мной смеется!

Кира Стрижак остервенело намазывала масло на хлеб, так же остервенело сверкала на мать глазами. Самой было противно от собственной остервенелости, но что делать, если по-другому никак?

– Да разве я тебя опекаю, с чего ты взяла? Я просто подсказываю... А как ты хотела? Ты ж неумеха еще, слепой кутенок! Вот наберешься опыта, мне подсказывать будешь... А пока...

– Мам, все начинают с нуля, и я начну. Ты же знаешь, я девушка упорная.

– Знаю, знаю... Не все так умеют – биться головой в одну и ту же дверь. Причем четыре года подряд.

– Это ты на мое поступление в юридический намекаешь, что ли? Ну да, поступала четыре года подряд... Но ведь поступила же! И окончила! И практику, между прочим, прошла! И не где-нибудь, а в убойном отделе большого областного города!

– Что ж ты там не осталась, в большом областном городе? Что ж к матери-то приехала?

– Так ты ж сама настоящая!..

– Ну да. Так и есть. А что мне оставалось делать? Ты ж моя кровиночка, хоть и вредная.

– Сама себе противоречишь, мам.

– Ага, противоречу. А еще не понимаю – почему мы опять ссоримся? Делать нам нечего, что ли?

– Да потому и ссоримся, что ты все время впереди паровоза бежишь! Не надо меня опекать, пожалуйста! Я уже не маленькая, мне двадцать семь лет!

– Вот именно. Лучше бы о семье задумалась, чем с матерью спорить. Твои одноклассницы, глянь, уже не по одному ребенку успели родить!

– Мама-а-а-а... – закатила к потолку глаза Кира, отодвигая от себя чашку с кофе.

– Ладно, не мамкай. И вообще, нам пора из дому выходить. Сорокин страшно не любит, когда опаздывают. Пыжится изо всех сил, не успел наиграться начальственным положением.

– А по-моему, он очень даже на своем месте... И не такое уж у него положение, подумаешь, начальник отдела дознания!

– Ты сначала дослужись хотя бы до такого, потом рассуждай... Ладно, идем!

– Ты иди, мам, я чуть позже из дома выйду.

– Кира! Ну, это уж совсем крайности! Что, с матерью пять минут по улице пройти нельзя? Думаешь, мне не обидно?

– Да на нас же все смотрят! Может, нам еще ать-два в затылок шагать? Династия Стрижак пошла службу служить? Расступитесь, дайте дорогу подполковнику Валентине Михайловне с дочкой. А еще песню можно запеть, строевую! Наша служба и опасна и трудна! И на первый взгляд, конечно, не видна! Если кто-то кое-где у нас порой...

– Господи, что у тебя в голове, Кирюшка? Как маленькая... – рассмеялась Валентина Михайловна, откинув назад голову, – а поешь хорошо, зараза...

Кира глянула на мать, улыбнулась. Какая она все-таки... Основательная женщина. Крупная, грубоватая, как мужик, ни дать ни взять, Васса Железнова в милицейских погонах. И в то же время до ужаса обаятельная! И смеяться умеет так, что вся обида в один момент куда-то улетучивается.

– Ладно, идем. А то и впрямь опоздаем, – допив кофе, вздохнула Кира миролюбиво. – Но все равно про Сорокина плохо не говори, он хороший дядька.

– Павел Петрович-то? Конечно хороший. А я разве спорю? Он не просто хороший, он отличный дядька. К плохому бы я тебя в подчинение не пристроила.

– Ну вот, опять...

– Лучше бы спасибо сказала, глупая.

– Спасибо, мама! – шутовски поклонилась Кира, вставая из-за стола.

– На здоровье, доченька. Где мой портфель? А, вот он... И очки... Ой, время, время...

Черт, все-таки опаздываем.

Они действительно опоздали. Павел Петрович, начальник отдела дознания, выразительно глянул на часы, потом указал глазами Кире на стул – садись, мол. И вдруг улыбнулся, покачав головой:

– До чего ж вы с мамкой похожи, прямо одно лицо, как под копирку... Если еще и мозгами похожи, и вообще, всеми остальными деловыми качествами... Ты хоть знаешь, какие про твою мамку у нас легенды ходят?

– Знаю, Павел Петрович. Но мне бы хотелось, чтобы нас... не сравнивали. Я сама по себе, мама сама по себе.

– Что ж, понимаю... Похвально, похвально. Ну, тогда вперед. Ты ведь, наверное, Рогова знаешь? Фамилия на слуху?

– Это который местный владелец заводов, газет, пароходов?

– Каких еще пароходов? Нет у него никаких пароходов... И газет нет...

– Да это расхожее выражение, Павел Петрович. Цитата из детского стишка про мистера Твистера. Поэт есть такой, Самуил Яковлевич Маршак, слышали?

– Нет, не слышал. Я в детдоме вырос, мне там стихов не читали.

– Извините...

– Да ладно, мистер Твистер, говоришь... Ну, значит, этот Рогов и есть мистер Твистер. То есть Филипп Сергеевич Рогов, владелец цементного завода, нашего самого значительного градообразующего предприятия.

– А что с ним случилось?

– Да не с ним... С ним-то как раз все в порядке. Дело в том, что ночью у него в доме женщина молодая скончалась, то ли невеста, то ли сожительница временная. Не знаю. Некая Анастасия Викторовна Ковалева, двадцати семи лет от роду. Проживала в доме с ребенком, с девочкой восьми лет... Этот Рогов – вообще темная лошадка, замкнуто жил, один в большом доме, как сыч, а потом вдруг эта Анастасия откуда ни возьмись появилась. В общем, ты сейчас поезжай туда, посмотри своими глазами, что да как. Может, сам Рогов ее и грохнул.

– Серьезно?

– Да не, это я так... Зачем ему, если жениться на ней собирался? Ну или просто гражданским браком жить.

– А... Что медики говорят, Павел Петрович?

– Медики говорят, что у покойной был перебор со спиртным. Весьма крутой перебор. Столько в себя влила, что бывалому мужику не под силу.

– Да что вы говорите, Павел Петрович! Не может этого быть!

– Это почему же?

– Да потому... То есть я хочу сказать... Понимаете, Настя вообще не пила.

– Что? Какая Настя? Не понял?

– Настя... Анастасия Викторовна Ковалева... Это моя одноклассница, Павел Петрович. Город у нас маленький, что делать... Все друг друга знаем...

– Понятно, понятно. Что ж, прими мои соболезнования, если так. Дружила, поди, с ней в школе-то?

– Нет, не особо... Знаете, ей операцию на сердце в восьмом классе делали, она вообще ни грамма не пила, нельзя ей было. Не может быть, чтобы она...

– Вот иди и проверь, в чем там дело. Действительно, не бывает так, чтобы баба чистая трезвенница была, а потом взяла и до смерти наклюкалась. Опроси там всех, прислугу, охрану, кто что видел, слышал... И в поликлинику сходи, карточку медицинскую изучи. И с Роговым – аккуратнее будь. Тот еще черт рогатый. Что узнаешь – все мне доложишь, я сам решение принимать буду. Давай, действуй... Только смотри, не переусердствуй. Сама ж говоришь – мистер Твистер... А с разного рода мистерами всегда бывают проблемы, еще нам жалобы в область не хватало. Ты меня поняла, надеюсь?

– Да, я поняла, Павел Петрович.

– Вот и отлично. Ты за рулем? А то у нас нынче с транспортом напряженка.

– Нет, Павел Петрович, я не за рулем.

– Значит, вы обе с мамкой безлошадные?.. Сколько я ей говорил – купи машину, научись водить! А она – некогда, некогда... Упертая, как ослица! Ты такая же, поди?

– Не знаю.

– Ладно, проживем – увидим. Я сейчас распоряжусь, будет тебе машина. Но на будущее запомни – удобнее иметь свою. Хоть плохонькую, но свою, поверь моему опыту.

– Спасибо...

– Иди, иди.

Водитель служебной машины Гоша лихо вырулил на проезжую часть, но на повороте затормозил, глянул на Киру озадаченно.

– Что, Гош? В чем дело? Дорогу не знаешь? Нам за город, к дому Рогова.

– Да знаю я дорогу. Я просто хотел попросить... Очень попросить...

– О чем? Да говори, не смотри на меня так жалобно!

– Понимаете, мне к мамке в больницу заскочить надо. Это ненадолго, я у больницы остановлюсь, быстро сбегая, десять минут туда-обратно! Мамка утром звонила, просила теплую кофту привезти. Ей операцию сделали, теперь мерзнет... На улице жара, а она мерзнет.

– Ладно, заедем в больницу.

– Спасибо, Кира... Ой, как вас по батюшке-то?

– Да ничего, можно без батюшки.

– Ну как же... Знаете, как я вашу маму уважаю? Вы так на нее похожи! Валентина Михайловна – она ж это... Такой человек... Можно сказать, легенда.

– Поехали, Гоша, поехали! Потом про мою маму рассказывать будешь.

Приткнув машину около ворот в больничном дворике, Гоша, подхватив с заднего сиденья пакет, резво поднялся на крыльцо, скрылся за больничными дверями. Кира открыла дверь, шагнула наружу, вдохнула полной грудью; хорошо-то как, лето в разгаре, жара. Из больничных окон пахнет убежавшим с плиты молоком, к нему примешивается еще какой-то знойный одуряющий дух вроде карболки. А вместе получается адский коктейль, аж в носу щиплет. Но – на то и больница. Здоровому человеку не нравится, больной человек запахов не замечает. Как говорится, каждому свое. Сегодня ты здоров, а завтра болен. Или вообще, как Настя Ковалева...

Но жизнь есть жизнь. Вот она, во всей красе. Лето, жара, запахи. И пух тополиный на ветру вьется. И медсестрички на крыльцо выскочили – покурить. Озираются испуганно, чтоб не застукали. Да, это жизнь... А Настя Ковалева умерла...

– Ой, здравствуйте...

Кира вздрогнула, обернулась на голос. Пожилая женщина стояла сбоку от нее, улыбалась так радостно, что поневоле пришлось улыбнуться ей в ответ.

– Здравствуйте... – сказала Кира.

– Ой, а вы ведь дочка Валентины Михайловны Стрижак? Правильно?

– Да, правильно. А в чем дело?

– Да ни в чем... Я просто так спросила. Я к мужу в больницу иду. Смотрю, вы стоите рядом с милицейской машиной, я и спросила... Значит, вы теперь вместе с мамой в милиции работаете, да?

– Работаю, да...

– Ой, ну надо же! А я вас еще маленькой девочкой помню! А мама у вас... Я так ей благодарна, так благодарна! Она ж моего мужа от тюрьмы спасла! Все кругом говорили: виноват, виноват, а она доказала, что не виноват. Наперекор всем. Привет ей передавайте обязательно! Скажите – от Анны Игнатьевны Колышкиной. Она должна помнить...

– Хорошо, я передам.

– Спасибо... Ой, как вы на маму-то стали похожи! Прямо одно лицо. А чего вы тут, у больницы-то? Не заболели часом? Или мама ваша не дай бог заболела?

– Нет, со мной все в порядке и с мамой тоже. Извините, нам ехать пора.

Кира нетерпеливо махнула рукой Гоше, который остановился на больничном крыльце, чтобы перекинуться парой слов с медсестричками. Кира шагнула к машине, села, раздраженно хлопнув дверью.

Нет, правда достали! Все в один голос – похожа, похожа! Наверное, думают, что ей ужасно приятно это слышать! Никто не спорит, конечно, что это неплохо – быть зеркальным отображением родной матери. Наоборот, вполне нормально. А с другой стороны... На всю жизнь, что ли, оставаться бледной копией? А как быть с индивидуальностью, с неповторимостью отдельно взятой личности?

Тем более если приглядеться, не так сильно и похожа... По крайней мере, все силы были приложены, чтобы уничтожить на корню эту генетическую похожесть. У мамы, к примеру, стрижка короткая и уже седая, а у нее – длинное черное каре. Конечно, это каре ни с какого боку не лепится к ее образу, потому что круглое лицо, как ни крути, само просит короткую стрижку. И возни с этим каре много, каждодневной утренней укладки требует. Но... Пусть будет каре. И линзы в глазах пусть будут. И тоже с этими линзами – сплошное утреннее мучение. Очки проще носить, ясен пень. Но! Но... Мама уже носит очки.

А еще бы похудеть, конечно. Пробовала, не получается. Никакими диетами не уничтожишь крепкую крестьянскую статью, унаследованную по материнской линии. И у мамы такая же статья, и у бабушки покойной такая была... И в школе она из-за этого ужасно комплексовала. Все девчонки худенькие, в чем душа держится, а с нее хоть скульптуру для городского парка лепи, не ошибешься. «Девушка с веслом» называется. Вот Настя Ковалева очень худенькая была...

Не только худенькой она была, но и самой красивой девчонкой в классе. Самой большой и самой красивой. Маленькая, трогательная, с огромными голубыми глазами на бледном лице. Мало двигалась, мало разговаривала, несла в себе покорное страдание больного сердца. Надо сказать, красиво несла – выделялась нежной орхидеей среди здоровых и сочных, но таких обыкновенных стеблей. К тому же Настя была сиротой, ее бабушка воспитывала. Может, потому Севка Марычев в нее и влюбился без памяти, просто с потрохами увяз в этой жалко сиротской болезненной хрупкости.

А потом Насте операцию в восьмом классе сделали, и здоровье немного выправилось, какой-никакой румянец на щеках заиграл. Говорили, не совсем выправилось, но жить можно, если организм от лишних стрессов беречь. Вот Севка и оберегал Настин организм, как умел. Старался до одури. Пылинки сдувал, домой провожал, утром у дома встречал, портфель из рук выхватывал. Да не тут-то было, как выяснилось... Настя вдруг осознала свое новое относительно здоровое положение, вздохнула свободнее и быстро новый роман с десятиклассником закрутила, а Севку – по боку. Он жутко страдал. Ходил за ней по пятам как дурак. Настя с кавалером в кино – и он в кино. Настя на дискотеку – и Севка туда же.

И все это было бы не так грустно, если бы параллельно другая трагедия не разворачивалась. Трагедия по имени Светка Малышева, тоже одноклассница, беззаветно влюбленная в Севку. И совсем не красивая, и вовсе не орхидея, хоть и худая. Видимо, худоба худобе рознь, что ж поделаешь. Настина худоба была нежной, а Светкина – злой, как сучок на дереве. И характер у Светки был нервный, издерганный. Видимо, от неразделенной любви. Севка нес знамя своей любви с гордостью, не замечая насмешек, а Светка страдала от унижения. И злилась, будто кто-то был виноват...

Однажды Кира с подружкой Лизой решили Севке глаза открыть – вроде как из лучших побуждений, чтоб не позорился. На школьной дискотеке это было. Севка сидел один, смотрел, как Настя обнимается с новым парнем в медленном танце. Страдал...

– Севка, ну ты совсем идиот, что ли? – начала Лиза. – Ты хоть в другую сторону смотри.

– Зачем? – поднял Севка на Лизу отчаянный взгляд.

– Ну, ты точно идиот!.. Затем, что у них своя свадьба, а у тебя должна быть своя. Отвернись, не смотри. Не унижайся.

– Так я же... Я боюсь, а вдруг он ей больно сделает? Он так ее сильно руками обхватил.

Лиза вздохнула, подняла брови, медленно качнула головой. Потом, глянув с хулиганским прищуром на Киру, вдруг выпалила:

– Севка, а когда он ее трахать будет, ты что, станешь в окно подглядывать и переживать, чтобы больно не сделал? Учти, он на пятом этаже живет... Если свалишься – костей не соберешь.

Лиза смеялась громко, довольная своей жестокой шуткой. Кира тоже улыбнулась смущенно, хотя ей было до ужаса жалко Севку. И вдруг обернулась, почуяв на спине чей-то колющий взгляд. И Лиза тоже обернулась, потянула Киру за руку:

– Слушай, надо сматываться отсюда, иначе Светка Малышева нас испепелит. Пойдем, освободим ей место. Пусть Севку с поля боя вытаскивает. На войне, говорят, раненые солдаты потом женились на медсестричках, которые их спасли. Может, и Светке перепадет ненароком от Севкиной благодарности. Надо же, какие страсти-мордасти, ага? Бразильский сериал, ни больше ни меньше.

Они и предположить не могли, что бразильский сериал только начинался. Потом еще много всего было, и до драк дело дошло. Севка дрался с Настиным кавалером, сначала с одним, потом с другим, потом с третьим... Потом Светка где-то зацепила Настю, платье на ней порвала. Настина бабушка приходила в школу, просила перевести Настю в параллельный класс... Так и бегали до выпускных экзаменов по заведенному кругу – Севка за Настей, Светка за Севкой, и не могли никуда прибежать. Все кончилось тем, что Настя после экзаменов уехала в Москву, счастье искать, красоту свою белую орхидейную удачно пристраивать. Бабушка ее не пускала, но Настя тайком уехала. Только записку оставила: «Я в Москве отцовых родственников найду». Бабушка потом плакала – каких, мол, родственников, нет у нее никаких родственников... Мать, мол, Настю в подоле принесла и потом бросила, и сама сгинула где-то.

А Светка своего добилась, достался-таки ей Севка, от горя после Настиного бегства едва тепленький. Умудрилась Светка и забеременеть, и свадьбу скороспелую по этому случаю сыграли. Когда сын родился, Севка из горя на белый свет вынырнул, огляделся, жить начал.

Про Настю Кира ничего не знала. Правда, слышала от Лизки, что Настя вернулась, и не одна, а с дочкой. Якобы Лизка видела ее на рынке – довольная была, и вещи на ней дорогие и стильные. Остановились, перекинулись парой фраз... Настя похвасталась, что замуж выходит. А за кого – не сказала. Стало быть, за Рогова Настя замуж собиралась... Владельца заводов, газет, пароходов.

Сейчас поглядим, что это за владелец. И как так Настя могла столько алкоголя хватануть, сколько здоровому мужику не под силу. С ее-то больным сердцем. Почти приехали, вон крыша роговского дома из-за дубовой рощи видна.

А хорошо устроился владелец, ландшафт вокруг дома – просто обалденный. И сам дом тоже. Не дом, а сказочный дворец с башенками. Хотя... Слишком громоздкий для сказочного. Слишком амбициозный. Веет от него холодом и надменностью. И смертью... Бедная, бедная Настя! Как же ее угораздило...

Ворота оказались закрытыми, и Кира долго жала на кнопку звонка, пока не услышала щелчок и последовавший за ним бесстрастный мужской голос:

– Открываю, въезжайте... Прямо по дороге к главному входу. Я вас встречу.

Ворота разъехались, и открылась во всей красе великолепная аллея из голубых елочек, так плотно стоящих друг к другу, что, казалось, машина едет сквозь холодное дождевое облако. Все-таки когда великолепия много, это уже перебор. Похоже, тут со всеми обстоятельствами перебор, и с хозяйскими амбициями тоже.

По ступеням высокого крыльца медленно спускался мужчина, держа руки в карманах брюк. Улыбался вежливо.

Наверное, очень редко можно встретить человека, которому вежливая улыбка в принципе противопоказана. Потому что вежливость, проявленная в такой улыбочиво лживой тональности, рождает обратное впечатление – будто тебя послали далеко и надолго, угрожающе трехэтажно и злостно-вычурно. И ничего ведь не скажешь в ответ, и более того, сам по-дурацки улыбнешься, следуя канонам навязанной вежливости. Хотя вовсе не хочется им следовать...

– Здравствуйте... – вышла из машины Кира, кивнув мужчине. – Вы Рогов Филипп Сергеевич?

– Нет, что вы... – через короткий смешок ответил мужчина, окинув ее нахальным взглядом с головы до ног. – Я всего лишь охранник Рогова Филиппа Сергеевича, а еще водитель по совместительству. Но мне приятно, что вы обозначились... А вы разве не местная? Вроде в этом городе Филиппа Сергеевича каждая собака в лицо знает.

– Почему же? Я местная. Но, уж извините, лицо Филиппа Сергеевича до сегодняшнего дня мне было неинтересно. Разрешите представиться – дознаватель Кира Владимировна Стрижак. Вот мое удостоверение.

– Очень приятно. А я Скуратов, Клим Андреевич. Можно просто Клим, отчество мне без надобности. И удостоверение тоже спрячьте, я вам верю.

Кира чуть кивнула, вдруг подумав – как этому чудовищу подходит его короткое односложное имя. Сермяжное, грубое, безжалостное, словно удар ножа. Обманчивое, как давешняя улыбка. И очень удобное, кстати, для бандитского погоняла. Тем более, если следовать теории Ломброзо, вид у него вполне бандитский – бритоголовый, узколобый и востроглазый. Надо будет потом пробить по базе, что это за Клим.

– А Филипп Сергеевич дома, надеюсь? – отвела Кира глаза, не выдержав нахального взгляда Клим. – Могу я с ним побеседовать?

– Нет, хозяин сейчас в городе, у него срочные дела. Но он знал, что вы приедете, и потому поручил мне ответить на все ваши вопросы. Прошу в дом, пожалуйста. Я готов вам все показать, все рассказать.

– А что именно вы хотите мне показать и что рассказать?

– Ну... Вы же по поводу Настиной смерти приехали?... Разве не так?

– Да, так.

– Вот я и говорю... Идемте.

Он развернулся, начал медленно подниматься по ступенькам, по-прежнему не вынимая рук из карманов. А брюки-то на нем дорогие, кстати. Стрелки идеально отглажены. И рубашка из дорогих, и галстук... Но затылок все равно бандитский, будто на нем клеймо поставлено. Да уж... Хотя и спорная теория Ломброзо, но в данном случае ни убавить ни прибавить.

Кира вслед за Климом вошла в дом, огляделась. Гостиная была огромной, но не сказать, чтобы очень уютной. Все основательно, все дорого, и все само по себе, как в музее или выста-

вочном зале, где вещи конкурируют друг с другом за право быть приобретенными в приличный богатый дом. Клим быстро прошел по гостиной, начал подниматься по широкой витой лестнице, ведущей на второй этаж. Обернулся, сделал рукой приглашающий жест:

– Нам сюда.

Кира поднялась вслед за ним. Клим привел ее в небольшую комнату, щедро освещенную солнцем, и оттого, казалось, более уютную. Все пространство комнаты занимали мягкий диван, кресло, журнальный столик и большой плазменный телевизор.

– Вот, значит... В этой комнате Настасья и померла... – констатировал Клим, присаживаясь на мягкий диван. – Вот в этом самом кресле... Она эту комнату больше всего любила. Часто здесь сидела, когда хозяина дома не было. Я тут, кстати, ничего не трогал. «Скорая» приехала, смерть констатировала, потом тело увезли. А все остальное как было, так и есть.

Под «всем остальным» Клим, вероятно, имел в виду пустые бутылки на столе и стакан толстого стекла, в котором болтались остатки выпивки. Кира наклонилась, чтобы рассмотреть этикетки на бутылках, и Клим начал угодливо перечислять, показывая на каждую бутылку пальцем:

– Это водка финская, это шотландское виски, это вино грузинское, а это шампанское... Я думаю, она с шампанского начала, потом начала вином догоняться. А потом и до виски с водкой дело дошло. Еще в баре коньяк французский был, коллекционный. Бутылки уже нет, не знаю, куда делась. Надо на территории поискать. Настасья вечером гуляла, может, и успела приложиться, а потом здесь продолжила. Не знаю, не могу в точности утверждать, как все было.

– Она что, много пила? – осторожно спросила Кира, выпрямляясь.

– Да не то чтобы... А вообще, я не знаю. Сами понимаете, не мое это дело, за хозяйской жизнью подглядывать. Да и недолго Настя здесь пробыла... Три месяца назад в доме появилась. Вместе с дочкой.

– А дочка сейчас где?

– Так хозяин ее к сестре своей утром отправил, чтобы не травмировать ребенка, сами понимаете.

– Какие отношения были у Насти с Роговым?

– Да нормальные, какие... Он вроде жениться на ней собирался. Но вы лучше у него об этом спросите.

– Вчера вечером Рогов был дома?

– Нет, он поздно приехал, уже ночью. А Настя весь вечер по дому ходила, не в себе была, будто расстроенная чем. А потом сидела тут, в кресле, телевизор смотрела. Я внизу сидел, слышал, как телевизор громко орал, там какой-то концерт показывали. А Настя подпевала – тоже громко. И явно невпопад, простите за подробность. Видать, сильно выпимши была. Ну а потом затихла... Я думал, она заснула. И Филипп Сергеич, когда приехал, тоже ее будить не стал. Пошел к себе спать.

– А дочка?

– Тайка-то? А чего ей? Тайка спала у себя в комнате, в другом конце дома. Там телевизора не слышно, стены толстые.

– А вы, значит, слышали?

– Ну да... Я внизу сидел, в холле, футбол смотрел.

– А кто труп обнаружил?

– Так утром домработница Мария зашла в эту комнату. Хотела убраться, потом заподозрила неладное. Позвала меня, я Филиппа Сергеича разбудил.

– А домработница где сейчас?

– Так здесь, в доме. На кухне, наверное. Позвать?

– Да, позовите.

– А я вам больше не нужен?

– Нет...

– Тогда я отъеду по делам? А если вдруг еще что-то посмотреть захотите, то в будке у ворот еще один охранник есть... Его Павлом зовут.

– А он... Был в доме, когда?..

– Нет, не был. Да он вообще пять минут назад приехал, аккуратно перед вами. Три дня отпуска брал, на свадьбу к сестре ездил, поэтому ничего пояснить вам не сможет. Да, кстати, я же хотел сразу вам сказать, да запомню! Там ведь записи на камерах есть... Можете глянуть на всякий случай... Если вам интересно, конечно. А если неинтересно, я не настаиваю. От чистого сердца хотел помочь дознанию.

– Спасибо, я гляну.

– Ага. Тогда я пойду, ладно?

– Хорошо, идите.

Клим ушел, Кира осталась одна в комнате. На мгновение ей стало не по себе – никак не складывалась в голове картинка, описанная Климом. Чтобы Настя Ковалева, нежная белая орхидея, сидела со стаканом спиртного в руке и громко подпевала телевизору?.. Нет, не может быть. Не ее стиль поведения. Кого угодно можно представить со стаканом и пением, только не Настю.

– Вы меня звали? – услышала она в дверях робкий голос.

– Да, звала, проходите...

Пожилая женщина робко ступила через порог, вытирая руки фартуком. Руки были давно сухие, но она все елозила по ним тканью фартука, напряженно глядя на Киру.

– Садитесь... Садитесь на диван. Вы не волнуйтесь так, пожалуйста.

– Да как не волноваться, если человек умер?..

– Я вас понимаю. Но все-таки вам нужно будет ответить на мои вопросы. Как вас зовут?

– Мария... Мария Тимофеевна Воскобойникова. Домработница я. Убираю, стираю, готовлю.

– Давно вы здесь работаете?

– Да уж года два, наверное. Я не подсчитывала.

– Скажите, Мария Тимофеевна... Вы первой обнаружили, что Настя мертва?

– Да, я первой... Так уж получилось. Я убраться хотела, я думала, в комнате никого нет, хоть и телевизор орал. Я думала, с вечера забыли выключить. Обычно Настя в спальне ночевала, с хозяином. Ой, что-то я не то говорю, да?

– Все нормально, Мария Тимофеевна. Расскажите, как вы ее обнаружили.

– Так я вошла, она в кресле сидела... Голова набок запрокинулась, а в руке стакан держала, вот этот самый, что на столе. То есть стакан на подлокотнике был, она его вроде как пальцами обхватила. Я думала, она спит... Потом взгляделась и поняла... И Клим позвала...

– Понятно... А скажите, Мария Тимофеевна, Настя часто пила?

– Да нет вроде... Хотя не могу утверждать, не знаю...

– А в тот вечер? Вы видели ее пьяной?

– Я рано из дому ушла... Я ведь не живу здесь, и ухожу рано, как все дела сделаю. У меня внук больной. Днем с нянькой сидит, вот я и тороплюсь, убегаю при первой возможности. Ничего не знаю про хозяйские дела в подробностях, уж извините. Когда ребенок болеет, ни до чего дела нет.

– Хорошо, спасибо. Вы идите, Мария Тимофеевна. Если у меня будут еще вопросы, я вас найду.

– Хорошо, я на кухне.

Женщина ушла, унося с собой горестную нервозность. Кира вслед за ней медленно вышла из комнаты, собираясь спуститься вниз, в гостиную. Собственно, больше здесь делать было нечего... Не мешало бы еще Рогова допросить, конечно. Может, позвонить ему, попро-

силь приехать? Может, он объяснит, почему «нежная белая орхидея» вдруг такое сама с собой сотворила? Ведь знала прекрасно, что перебор со спиртным для нее смерти подобен. Вот и сподобилась, выходит? Сама?

В кармане рубашки аккуратно заворковал мобильник, и Кира ответила механически, не глядя на дисплей:

– Да, слушаю...

– Ну как ты там? Все посмотрела? Рогова опросила?

О господи. Опять мама. Никуда не сбежишь от ее бдительного ока. Нет, надо положить этому конец.

– Мне как тебе докладывать, письменно или устно? Или мне больше некому докладывать, как ты считаешь?

– Кирюш, да не злись, я же просто спросила. И вот еще что... У них там камеры слежения по периметру должны быть, надо бы записи изъять, только протокол не забудь составить.

– Мам... Ну зачем ты мне это говоришь? Думаешь, я сама не знаю, что нужно делать?

– Да знаешь, знаешь. Но я так, перестраховываюсь на всякий случай. Не нравится мне эта история, слишком нескладно все получается. Ну сама подумай... С чего бы молодой женщине, которая собирается замуж, вдруг напиваться до смерти? Тем более если она вообще не пьет?

– Ну да, ну да... Ты умная, мам, а я дура бестолковая. Думаешь, я сама себе подобные вопросы не задаю, что ли? Да я, между прочим...

– А Рогов что говорит? – не дослушав, перебила ее мама.

– Его нет в доме. Он в городе, своими делами занимается.

– Ну да, ну да... Наверное, шикарные похороны организует. А ты его звонком к себе в кабинет вызови. А если не придет, пригрози, что конвой за ним пошлешь. Так, для остротки, чтобы много о себе не думал. И записи изыми обязательно...

– Мам, я сама разберусь, что мне делать.

– Конечно, сама разберешься, кто бы сомневался. Ты же у меня умница, Кирюша. Ну все, пока, некогда мне. Дел много.

Нажимая на кнопку отбоя, Кира усмехнулась – вот так, значит, ага, дел у нее много. Получилось, будто она к матери с вопросами пристаёт. А бедной матери остается лишь отмахиваться – некогда мне, дел много... Неужели так всегда и будет? И что с этим делать, как быть? Пойти исполнять мамины указания? Ага, сейчас... Фу, как раздражает этот контроль, даже испарина нервная прошибла... Все кругом указывают, что надо делать! То охранник дает указания от чистого сердца, то мама родная.

Но в будку к охраннику Павлу она все-таки пошла и записи с камер слежения изъяла. И так быстро и ловко это сделала, что парень и опомниться не успел. Был он полной противоположностью Клима, что само по себе Киру чуть позабавило – может, Рогову нравятся такие контрасты? Может, он так развлекается? Один охранник явный бандит, другой – юный одуванчик, нежное прыщавое создание. Моргает белесыми ресницами, елозит руками по карманам в поисках телефона. Наверное, у хозяина хотел испросить разрешения насчет записей с камер, но так и не нашел телефона, бедолага, видать, дома забыл.

Записи она отсмотрела уже в отделении. Потом долго сидела за своим столом, пытаюсь уяснить для себя, что там увидела. Вернее, кого увидела. В ту ночь, когда Настя умерла, к дому Рогова приезжал Севка Марычев...

Он мало изменился после школы. Такой же худой, неловкий. Но через роговский забор перебрался довольно шустро – камера все его действия довольно четко отследила. Но что делал Севка там, за забором, надо было еще выяснить.

Севку ей доставили еще тепленьким – в буквальном смысле слова. У него был выходной, из постели вытащили. Хотя и не заметно, что он спал – глаза были невыспавшиеся, трагически воспаленные. И сам весь такой... Будто побитый. Или больной.

- Кирка... Стрижак... Ты, что ли?
- Я, Севка. Здравствуй. Плохо выглядишь.
- Это меня к тебе привезли, значит? На допрос?
- Мы пока просто беседуем, какой допрос.
- Так позвонила бы, я бы сам пришел.
- Извини, но так быстрее.
- А, понятно... Ну, давай, спрашивай.
- Сев... А что ты делал предыдущей ночью в усадьбе у Рогова? Только не говори, что там не был. Тебя камеры зафиксировали, когда через забор шастал. Как ты вообще туда попал, ночью?
- Обыкновенно, как... На машине приехал. Машину на дороге оставил, а сам через забор перелез.
- Зачем?!
- Я Насте помочь хотел... Вернее, спросить... Вернее, она хотела у меня что-то спросить.
- Так помочь или спросить? Она что, просила тебя о помощи? Говори яснее, Севка!
- Да я сам не знаю... Понимаешь, она была у меня накануне. Домой ко мне приходила.
- И что? Чего замолчал, рассказывай! Приходила домой, и что?
- Да ничего. Ничего она мне не сказала. То есть не успела сказать. Светка раньше с работы пришла, ну и сама понимаешь... Ор подняла, начала скандалить... Ты же помнишь Светку, какая она бывает, если в ревность ударится.
- А Настя что?
- А что ей оставалось делать? Ушла... Светка ж ее выгнала, получается.
- Дура она, твоя Светка.
- Да она не дура, просто патологически ревнивая. Больная на всю голову... Она про Настю и вспоминать не может, сразу психоз начинается, а тут... Как говорится, воочию... Да что я тебе объясняю? Ты ж сама знаешь.
- Знаю, знаю. Ладно, не будем отвлекаться. Дальше-то что было? Настя ушла, а потом?
- Да что дальше?... Я ночью сам к роговскому дому поехал, не спалось мне. Перелез через забор, глянул в окно... Настя в кресле сидела, стакан в руке держала. Пила... Видно, что сильно пьяная была. И телевизор орал... И на столе бутылки стояли.
- Много бутылок?
- Нет. Я не помню точно. Две или три... А может, четыре...
- Севка, она же не пьет. Ты же прекрасно знаешь, что ей нельзя.
- Так я тоже удивился... И тем не менее... Так оно и было... Господи, как тяжело-то! Слышь, Кирка? Не мучь меня, а? Тяжело мне все это вспоминать... Меня и без того Светка измучила своей ревностью. И себя измучила, и меня. Она ведь знает, что я до сих пор Настю люблю. Вернее, любил... А Настя меня – нет, не любила. Никогда не любила... Отпусти меня, Кирка, а? Не могу...
- Он всхлипнул некрасиво, по-бабьи, неловко прикрыл дрожащей ладонью лицо, и Кира, перегнувшись к нему через стол, заговорила торопливо, испуганно:
- Севка, Севка, ты что... Не надо, Севка, соберись, пожалуйста. Воды налить?
- Нет, не хочу, – вяло махнул он рукой, отворачиваясь.
- Сев, но мне все равно надо для протокола. Чем быстрее ты ответишь на все вопросы, тем быстрее уйдешь. Так надо, Севка.
- Ладно, задавай свои вопросы, Стрижак. Надо так надо. Мне уж теперь все равно, если по большому счету. Настю вопросами-ответами не вернешь.
- Да, Настю не вернешь. И вот что... Давай-ка мы все сначала начнем, Севка. Вот пришла к тебе Настя, хотела что-то рассказать, но не успела, Светка ее выгнала. Так?
- Да, так.

– А дальше?

– Так я ж говорю... Ночью Светка уснула, а я не мог уснуть, все думал, думал... Потом встал, оделся, завел машину и поехал к роговскому дому, чтобы поговорить с ней. Машину в лесочке оставил, перелез через забор... В доме все окна уже темные были, а в одном окне, на втором этаже, свет горел. Там выступ в стене есть, ну, вроде украшение архитектурное такое, я влез на него, подтянулся... И увидел Настю...

– Ты позвал ее?

– Нет...

– А почему? Ты ж сам сказал – поехал, чтобы поговорить.

– Да я стучал в окно, а она не слышала, наверное. Телевизор громко орал. И сама она сильно пьяная была. То есть вообще в хлам. Ну, я и подумал: может, потом?.. Все равно разговора не получится. Спрыгнул на землю, ушел.

– На камере не видно, как ты обратно уходил.

– Так я с другой стороны, там забор ниже. Наверное, там камеры не было.

– Как-то странно все это выглядит, Севка... Ехал ночью, чтобы поговорить, через забор перелезал, а сам так и не достучался.

– Ну да, выходит, не достучался... Да если б я знал...

– А как ты думаешь, о чем она хотела с тобой поговорить? Ведь она за этим к тебе приходила?

– Да теперь-то какое это имеет значение, Кирка? Настю все равно не вернешь.

– Ладно... Значит, я в протоколе напишу, что ты видел ее в окно, она пила коньяк.

– Почему коньяк? Я не знаю, что у нее в стакане было! Может, виски, а не коньяк!

– Ладно. Я напишу – в стакане было спиртное. И три бутылки со спиртным стояли на столе. И Настя была пьяной, потому не услышала, как ты стучал в окно.

– Да пиши что хочешь. Я все подпишу.

Севка снова махнул рукой и, пока она писала протокол, молча смотрел в окно. Потом лицо его напряглось и сделалось совсем бледным, болезненно виноватым. Кивнув на дверь, он проговорил тихо:

– Светка там скандалит... Слышишь?

– Где? – подняла на него глаза Кира.

– В коридоре... Не слышишь, что ли?

– Да мало ли, кто там шумит, – недоверчиво произнесла Кира.

– Это точно Светка. Ей, наверное, соседи позвонили, что за мной милицейская машина приехала.

Встав из-за стола, Кира подошла к двери, выглянула в коридор. И столкнулась нос к носу со Светкой.

– По какому праву меня не пускают, а? Почему мне не объяснили, по какой причине увезли моего мужа? Я прокурору жаловаться пойду!

– Свет, успокойся... – тихо проговорила Кира. – Кто тебе чего может объяснить? Дежурный, что ли? Поверь, ничего страшного с мужем твоим не происходит. И вообще, ты нам мешаешь. Если хочешь, подожди в коридоре, мы скоро закончим.

– А ты, Стрижак, не указывай мне, что делать надо, поняла? Деловая стала, ага? При исполнении? Да видели мы таких.

– Свет, прекрати истерику. Я действительно при исполнении, как ты изволила выразиться. Так что придется тебе в коридоре посидеть, пока я с мужем твоим беседую.

– Ну что ты к нему привязалась, что? И вообще, какого лешего вам от него надо, а? Вчера Ковалева приперлась, уставилась на него своими глазищами... Теперь ты...

– Света, замолчи! – тоскливо, но весьма решительно проговорил Сева, виновато глянув на Киру. – Настя умерла сегодня ночью... Не надо, не говори ничего больше, ладно?

– Как... Как умерла? – в замешательстве проговорила Светка, нервно сжимая ремешок сумочки на плече.

– Да, она умерла, Свет... – грустно подтвердила Кира, вздохнув. – И мне поручили провести дознание.

– Погоди... Но Севка тут при чем? Я не понимаю...

– Я думаю, он сам тебе все расскажет потом.

– Почему – потом? Почему не сейчас?

– А почему я должна быть свидетелем ваших семейных разборок? Нет уж, не хочу. Я на службе вообще-то. Сейчас я протокол составлю, твой Сева распишется где надо, и можете идти на все четыре стороны и разбираться с любовью и ревностью сколько хотите. Ты можешь подождать его в коридоре десять минут?

Светка стояла набычившись, съедала ее злыми глазами. Хотя, как отметила про себя Кира, отчаяния в ее глазах было больше, чем злобы. Казалось, всей худосочной и нервной Светкиной природой руководило отчаяние. Да и то – трудно, поди, нести в себе неразделенную любовь? И никто не оценит по достоинству такой сомнительный подвиг, и награды не даст... Осудят – да. Посмеются – да. Но что делать, если сама себе выбрала флаг поруганной гордыни? Вот и неси, если выбрала.

– Ладно, я подожду, – с тихим вызовом проговорила Светка, – только не в коридоре, а здесь. Позволишь мне по благу посидеть вот на этом стульчике, а, Стрижак?

– Ой, да делай что хочешь, господи, – махнула рукой Кира, садясь за свой стол. – Только не мешай мне.

Когда через десять минут она закончила свою писанину и протянула через стол бумагу Севке, Светка вдруг задумчиво произнесла:

– Слушай, Стрижак... А у Насти ведь дочка осталась... Выходит, круглая сирота...

Не было в ее задумчивости никакого сожаления, скорее констатация факта. Наверное, в Светке вообще сожаления как такового не осталось. Ни к кому. Все забрала ревность.

Одноклассники ушли, и Кира сидела еще пару минут, глядя на дверь. Потом вздохнула, принялась нервно перебирать бумаги на столе. Все-таки выбила ее из равновесия парочка бывших одноклассников. И это, кстати, очень и очень плохо. Потому что надо себя в руках держать. Нельзя позволять себе выпадать из равновесия. Вот маму, например, никто не может вывести из равновесия. Мама в этом смысле кремень.

Ее размышления прервал аккуратный стук в дверь, которая тут же и открылась, и через порог по-хозяйски ступил мужчина с несколько брезгливым выражением лица. Был он невысок, полноват и даже слегка грузноват, но держался с ленивой грацией. «Наверное, это Рогов», – догадалась вдруг Кира и улыбнулась осторожно вежливо, ожидая, когда посетитель сам представится.

– Стало быть, вы Стрижак? Я правильно понял? – оперся ладонью о спинку стула посетитель.

– Да, вы правильно поняли, я Стрижак.

– А я, стало быть, Рогов Филипп Сергеевич. Вы были утром у меня в доме, проводили дознание. Простите, я не мог присутствовать, очень дел много. Да и похоронами надо заниматься, сами понимаете.

– Да, я понимаю. Садитесь, Филипп Сергеевич. Спасибо, что пришли. И примите мои соболезнования по поводу...

– Давайте без траурных реверансов, пожалуйста. Тем более в этом кабинете они к месту.

– Настя Ковалева была моей одноклассницей.

– Да? Ну что ж... В таком случае придется принять ваши соболезнования. Надеюсь, они искренние. Но у меня очень мало времени, и потому давайте по существу. Какие вопросы вы

мне хотите задать? Только я заранее предупреждаю – о прошлом Насти ничего не знаю. Вы, как одноклассница, наверняка обладаете большей информацией о ее прошлом.

– Хорошо... А давно вы с Настей знакомы, Филипп Сергеевич?

– Нет. Мы познакомились всего два с половиной месяца назад, и Настя с дочкой жила в моем доме на правах гражданской жены. Но я сделал ей предложение, мы собирались зарегистрировать брак... Я любил Настю... И не понимаю, как это произошло.

– А вы знали, что ей нельзя пить? Что у нее сердце больное?

– Нет. Не знал. Она никогда об этом не говорила. Но накануне мы поссорились... Я и предположить не мог, что она так болезненно восприняла эту ссору.

– А из-за чего вы поссорились?

– Да из-за пустяка, по моему мужскому разумению.

– И все-таки?

– Я ей купил кольцо. С изумрудом. Обручальное. Но, как выяснилось, Настя терпеть не может изумруды. И она мне говорила об этом. А я забыл...

– И Настя на это так болезненно отреагировала?

– Ну да... Мне тоже это показалось странным. И тем не менее. Знаете, Настя была из тех женщин, которые от мужчин хотят всего и сразу. И внимания к их желаниям и капризам в том числе. А я, грешен, часто ей повторял – все у тебя, мол, будет, не надо торопить события. И уверяю вас – все бы у нее было. Не зря говорят, что женщин портят сбывшиеся желания. Когда старые благополучно сбылись, а новые еще не созрели, наступает вакуум, психологический срыв.

– Это какие же – старые и новые желания? Уточните, пожалуйста.

– Насколько я успел узнать Настю, она всегда хотела выйти замуж за человека обеспеченного. Назовем это старым желанием, и все шло к тому, что оно вполне благополучно сбудется. Но еще не созрели новые желания: а что же мне такого захотеть, как жене благополучного человека?.. Я хочу бриллианты, а мне почему-то дарят изумруды. По-моему, в данной ситуации со всеми женщинами что-то подобное происходит. Без исключения. Или вы не согласны?

– Не знаю. Я не была в такой ситуации. Но мне кажется, вы не правы в обобщениях, Филипп Сергеевич, – тихо проговорила Кира, почему-то отводя глаза в сторону.

– Не буду с вами спорить. Я, собственно, не для этого пришел. Как человек законопослушный, я понимаю, что вам надо провести дознание. Вы удовлетворены моими ответами?

– Да. Я удовлетворена. Вы поссорились, у Насти был психологический срыв... А вы поговорили с ней? Пытались ее как-то, ну... Успокоить? Объяснить?

– Нет. Я не успел. Я приехал в тот вечер поздно, она спала... Вернее, я думал, что она спала. Хотел утром поговорить... Но мне не нравится тональность ваших последних вопросов, извините.

– А какая у них тональность?

– Обвиняющая. В чем вы хотите меня обвинить? Что я купил кольцо с изумрудом, а не с бриллиантом?

– Да полно, Филипп Сергеевич. Никакой обвиняющей тональности в моих вопросах нет. Я дознаватель, а не психоаналитик.

– Что ж, и на том спасибо. Так я могу идти?

– Сейчас я оформлю ваши объяснения, вам надо будет их подписать.

– Да, только быстрее, пожалуйста. У меня очень мало времени.

– Да, вот еще что, Филипп Сергеевич. Мне надо побеседовать с девочкой, с Настинной дочкой. В присутствии педагога и детского психолога, конечно.

– Я уверяю вас, это лишнее. Давайте опустим эту формальность, прошу вас, пожалуйста. У девочки очень тонкая, неустойчивая психика, она и без того болезненно переживает случившееся. Не надо, прошу вас. Пожалейте ребенка. Тем более ее нет в городе.

– А где же она?

– Я отвез ее к своей сестре в Отрадное. Не надо ей присутствовать на похоронах, мне кажется.

– Но как же... Она ведь должна проститься с матерью!

– Нет. Для нее это будет настоящим шоком, повторяю, у девочки очень тонкая и хрупкая психика. Пусть она остается там, в Отрадном.

– Но ведь все равно надо будет что-то решать... Она сирота, у нее нет никаких родственников, насколько я знаю.

– Да что решать? Уже все решено. О ребенке я сам позабочусь, оформлю опеку на себя.

– А вам разрешат? Ваш брак с Настей не был зарегистрирован, девочка проживала в вашем доме всего два месяца.

– Разрешат. И даже не сомневайтесь. Не отдам я ее в детдом. Я знаю, что такое детдом, сам в детстве хлебнул этой прелести. Оформлю на себя опеку, а жить она будет у моей сестры в Отрадном. Там условия хорошие, дом большой, уютный, и хорошая школа недалеко. Сестра – одинокая женщина, ребенок ей в радость будет. И материальную сторону, само собой, обеспечу на должном уровне.

– Да я все понимаю, конечно. Но вряд ли опека...

– Нет, это вовсе не проблема, зря вы так думаете. Вы поймите, я не могу иначе, это мой долг перед Настей... И я все сделаю для ее дочери. Все, что могу... Извините, мне тяжело говорить. Не могли бы мы поскорее покончить с формальностями?

– Да, да, конечно... Я быстро, – засуетилась Кира, отыскивая ручку под ворохом бумаг. – Еще десять минут, и я вас отпущу.

В конце рабочего дня она сидела в кабинете Павла Петровича, докладывала о результатах дознания. Тот слушал, откинувшись на спинку стула, тер ладонью затылок, болезненно прикрыв глаза. Потом перебил нетерпеливо:

– Да все понятно, можешь не продолжать... Нет никаких оснований для возбуждения уголовного дела, это сразу ясно было. Завтра оформишь все бумаги... Слушай, отчего у меня к вечеру всегда голова болит, а? Вроде я еще не старый.

– Завтра дождь с грозой обещали. Циклон идет.

– А, понятно. А у тебя голова не болит?

– Нет.

– А у меня болит, зараза... Коньячку со мной тяпнешь? Для расширения сосудов.

– Я не пью, Павел Петрович.

– Ну и зря. Из принципа, что ли?

– Просто не хочу, и все.

– А... Ну, это дело поправимое. Поработаешь, покопаешься в людском дерьме, глядишь, и научишься коньяк в сейфе держать. Иди... Mamka зажала, поди, с ужином.

Да, это он в яблочко попал. Мама действительно ждала ее, с порога ударил в нос плотный запах жареной картошки с луком. А в лоб сейчас ударят нетерпеливые мамины вопросы – куда от них денешься. Тут уж выбора нет – картошка или вопросы, тут все в одном флаконе полагается. Можно, конечно, и не отвечать на вопросы... Но тогда и от картошки надо отказываться. А кушать-то, как в том анекдоте, очень хоцца...

Но есть еще один вариант, более спокойный. Не дожидаясь вопросов, самой все рассказать. Быстро, четко и по пунктам. Чтобы некуда было вставить лишний вопрос.

– ...Да что ты говоришь, да неужели? У Рогова проклюнулось чувство долга по отношению к несчастному ребенку? – На секунду повернулась от плиты мама, все-таки оборвав ее рассказ. – Ой, не смейся, Кирушка... Знаю я этого Рогова. Таких слов, как «долг» и «совесть», в его лексиконе отродясь не было. Ну, разве что на публику, для красного словца... А что, девочка в одном доме с ним будет жить?

– Нет, она будет жить у его сестры в другом городе.

– Ага, ага... А он, стало быть, будет ее содержать до совершеннолетия...

– Может, опека еще не разрешит, мам!

– Да разрешит, куда денется. Рогов умеет чиновников покупать. А там одни бабы работают, страсть как до денег жадные.

– Мам, нехорошо так думать о людях. Какой ему смысл чиновников покупать? И вообще... Ты не обижайся, конечно, но у тебя с годами привычка выработалась – всех кругом виноватыми заранее делать. Профессиональная подозрительность. Надо с этим как-то бороться, честное слово. И не говори мне, что яйца курицу учат, потому что со стороны виднее, у меня глаз незамыленный!

Мама будто не слышала. Поставила перед ней тарелку с картошкой, медленно опустилась на кухонный стул. Сидела, глядя прямо перед собой, барабанила пальцами по столу. Потом вдруг произнесла тихо:

– Чует мое сердце, накосячила ты с этим дознанием, Кирюшка... Все как-то не так, все неправильно. Нет, сама-то подумай, раскинь мозгами! Если у бабы все хорошо, если она замуж собирается, не станет она...

– Мам! Я ж тебе говорю – они с Роговым поссорились!

– Нет, это как же поссориться надо, чтобы саму себя порешить? Нет, не нравится мне все это. Завтра пойду поговорю с Павлом Петровичем... Тут много чего выяснить надо...

– Мам, да ты что! Не смей этого делать! Я это дознание веду, а не ты! Если ты это сделаешь, я рапорт на увольнение напишу, поняла? И уеду! Я ни за что не буду работать рядом с тобой, если ты это сделаешь, поняла?

– Да куда ты уедешь, господи... Кто и куда тебя на работу возьмет, без протекции, без прописки? Что ты меня пугаешь все время?

– А я тебя не пугаю. Я правда уеду. Пожалуйста, прекрати давить на меня своим авторитетом! Иначе из меня точно ничего не получится! Ну как ты этого не понимаешь, а?

– Да понимаю я, понимаю...

– Значит, так и решим. Если ты завтра пойдешь к Павлу Петровичу, я тут же кладу ему рапорт на стол. Я серьезно говорю, мам.

– Это шантаж, Кирюшка. Нельзя так.

– А что еще остается делать, если ты меня не слышишь?

– Ладно, черт с тобой... Пусть будет по-твоему. И в кого ты у меня такая самолюбивая, а? Такая исключительная вредина?

– Так в тебя, мам... Больше не в кого. Спасибо за понимание. И за вкусный ужин... Так не пойдешь?

– Говорю же – черт с тобой... Возьму грех на душу...

Часть III

Рогов плеснул в стакан щедрую порцию виски, сделал большой глоток, поморщился. Зря он пьет, наверное. Сердце опять пошаливает. Но зато виски снимает озноб – тот самый, душевно мучительный, черт бы его побрал.

Наверное, он все-таки болен. Да, болен. Сколько ни убеждай себя, что мучительная любовь-озноб – это не болезнь, а обычное состояние рядового грешного индивидуума, но правде надо смотреть в глаза. Вернее, теперь можно глянуть ей в глаза – после десяти лет мучительного озноба. Глянуть без страха.

А вот и она сама спускается вниз по лестнице – его мучительная правда, его душевный озноб. Тая. Таечка. Маленькая девочка, выросшая в прелестную юную женщину.

Полыхнул огонь в камине, осветив сумеречное пространство гостиной и выхватив тонкую фигурку, неловко застывшую на крутой лестнице. Локотки оттопырены – подол длинного платья придерживает, не умеет еще свободно руки держать. И личико серьезное, сосредоточенное, глаза смотрят вниз – как бы не оступиться...

– Фил, я ничего не вижу... Я упаду сейчас...

– Не упадешь. Осторожнее. Не торопись. Ты так прекрасна в своей неловкости, дай мне насладиться зрелищем.

– Платье длинное, я не привыкла.

– Привыкай. Это очень красивое платье. И очень дорогое. Все-таки у меня есть вкус.

– По-моему, мне совсем не идет. Я в этом платье как голая. И цвет у него странный.

– Почему же странный? Это цвет пламени, Таечка. Встань-ка сюда, ближе к камину. Вот так. И возьми в руку бокал с вином. Откинь плечи назад, полуобернись ко мне. Да-да, правильно... Ты отличная фотомодель, кстати! Если хочешь, я куплю для тебя обложку какого-нибудь модного испанского журнала. Так, ради одноразового баловства. Сделаем в доме постер во всю стену – будешь сиять в лучах испанского солнца. Хочешь?

– Я не хочу, Филипп. Я устала так стоять. Можно, я сяду?

– Да, конечно! Прости, я опять увлекся. Ты вольна делать абсолютно все, что захочешь, моя прелесть.

Тая села в большое кресло напротив него, оправила подол платья, поднесла к губам бокал с вином. Движения ее были хоть и замедленны, но напряженны и несколько неуклюжи. Тонкая шейка жадно дернулась, пропуская глоток вина. И еще глоток. И еще...

– А что это шумит? – вдруг спросила Тая, распахнув глаза.

– Это дождь, Таечка. И гроза. Гром гремит.

– А...

– Налить тебе еще вина?

– Да. Я боюсь грозы... Очень боюсь...

– Не бойся. Наоборот, наслаждайся своим победным положением.

– Победным?..

– Ну да. Там, на улице, хлещет дождь, дует злобный ветер, небо гремит и сверкает, а у нас в гостиной тихо, тепло и спокойно, и камин горит, и вино... Всегда надо осознавать свое победное положение над внешними обстоятельствами, Таечка. И получать от этого удовольствие.

– Хм... Это что, метафора такая, да, Фил?

– Ну, пусть будет метафора. Я в душе немного поэт, хотя, боюсь, ты можешь истолковать мою метафору неправильно.

– Да чего толковать?.. И без того все ясно, – сказала Тая.

– Что тебе ясно, милая? Что?

Услышав слегка раздраженную насмешку в голосе собеседника, Тая моргнула, улыбнулась хмельно:

– Ой... Смотри-ка, я уже второй бокал вина выпила! И не заметила...

И подняла глаза – настороженные, испуганные. Так смотрит ребенок, ожидая, как поведет себя взрослый – или пристыдит, или, наоборот, одобрит.

– Хочешь, еще налью? И прошу тебя, не горбись, милая, расправь плечики. Такое платье требует от женщины, пусть и слегка хмельной, горделивой осанки. Я бы даже сказал, надменной. А ты... Ты же такая...

– А я на маму похожа, Филипп?

– Таечка, ты опять... Мы же договорились!

– Извини, я только спрошу... Только один вопрос... Можно?

– Ну давай... – вздохнул Рогов.

– Ты мне говорил, маму кремировали. Значит, у нее даже могилы нет... А где урна с пеплом? Я знаю, такие урны выдают родственникам. И если у мамы ни одного родственника не было... Наверное, тебе должны были отдать?

– Да, милая, так и было. Но стоит ли сейчас о грустном? Хотя ты права, мне давно надо было ответить на все твои вопросы, чтобы они тебя не мучили.

– Значит, урна у тебя?

– Нет-нет, что ты... Я отдал ее домработнице, она сказала, что сделает все, как надо. То есть отнесет урну на могилу Настиной матери и там закопает.

– Татьяне отдал? – переспросила Тая.

– Нет, тогда была другая домработница.

– Да, точно... Я вспомнила. Мама называла ее Марией. Она была добрая, все время меня по голове гладила. Только я лица ее совсем не помню. Я и мамино лицо плохо помню. Филипп, свози меня на кладбище, пожалуйста! На могилу к бабушке! Тем более там мама... Я очень прошу тебя, Филипп!

– Хорошо, хорошо... Я выберу время, обещаю тебе. Правда, я совершенно не понимаю, где искать могилу Настиной матери. Но ничего, найдем. А ты, я смотрю, плакать собралась? Глазки блестят...

– Нет, нет! Тебе показалось.

– И правильно. Не надо плакать, девочка. Надо улыбаться и радоваться жизни. Ты такая нежная, такая трогательная... Когда я на тебя смотрю, у меня сердце болит.

– Сердце? Наверное, надо врачу показаться, Филипп? – чуть подалась вперед Тая. – Сильно болит, да?

– Ох, Таечка, девочка моя, ну как же ты меня не слышишь?.. Или не хочешь слышать? Оно же любовью болит... Плавится от любви, словно кусок воска.

– А... Понятно. Я думала, по-настоящему болит.

– Почему у тебя столько разочарования в голосе? Пошловато выразился, да? Может, и пошловато, зато верно. Да, оно плавится от любви, словно кусок воска, и болит...

Сердце у Рогова и впрямь болело, и давно надо было показаться врачу – Тая оказалась права в своем первом добром порыве. Билось, толкалось, захлебывалось короткими приступами боли, разливалось ощутимо горячим дискомфортом между лопатками. Но как можно сейчас говорить о врачах – с Таечкой? Нет, пусть лучше любовью болит и плавится, словно кусок воска. Тем более одно другого не исключает. Надо просто посидеть молча, подышать, расслабиться. Посмотреть на огонь в камине.

– Ночью гроза пройдет, завтра будет хороший день, – проговорил Рогов тихо, будто сам себя успокаивая. – У меня завтра очень много дел, тебе придется весь день провести одной, Таечка.

– А можно мне в магазин съездить, Фил?

– Зачем? – поднял он вспыхнувшие недовольством глаза – слишком неожиданно Тая задала свой вопрос. Но тут же заговорил быстро, сдобрив улыбку ласковой тональностью: – Да, Таечка, конечно, конечно... Прости меня, милая. Веду себя так, будто ты моя пленница, правда? Ты вовсе не пленница, ты моя повелительница. Опять пошлость сказал, да?

Тая ничего не ответила, глянула на него странно. Молча протянула пустой бокал, он торопливо схватился за бутылку вина. Наливая, проговорил виновато:

– Да, милая, Клим тебя отвезет, куда скажешь... В любой магазин.

– Я не хочу с Климом. Я его боюсь.

– Что ты, детка! Перестань! – рассмеялся Рогов, откидываясь на спинку дивана. – Клим добрейший человек, он и мухи не обидит! Он только с виду такой.

– Нет, я не хочу с Климом. Я лучше вообще никуда не поеду, весь день дома проведу, у бассейна.

– И правильно, детка! Зачем тебе мотаться туда-сюда? Напиши список, что тебе нужно, Татьяна все купит. Или вместе потом съездим. Послезавтра. Хотя нет, послезавтра я тоже не могу. Понимаешь, у меня сейчас такой цейтнот, надо все тут завершить, обрубить концы... Ни минуты свободной нет! А лучше знаешь что? Лучше мы тебе в Испании все купим. Там я буду весь твой, хоть целыми днями можем по магазинам бродить. Там у нас начнется настоящая жизнь.

– Хорошо, Филипп. Я завтра никуда не поеду.

– Вот и умница... Иди сюда, сядь рядом со мной.

Тая поставила бокал на стол, послушно поднялась из кресла, чуть качнувшись на каблучках. Неловко шагнула вперед, ударилась коленкой о низкий столик, поморщилась, прикусила губу. Рогов протянул руки, взял ее ладони, окунул в них свое лицо. Тая стояла, как соляной столб. Лицо было слегка озадаченным, будто она никак не могла сообразить, что с этой головой делать. И ладоням было щекотно от поцелуев.

Вдруг он убрал ее ладони с лица, проговорил тихо, надрывно:

– Как сердце болит – умираю от счастья... Утоли мою боль, девочка... Утоли наконец.

Тая едва заметно повела плечом, будто сделала попытку шагнуть назад, но в следующий момент пересилила себя, спрятав появившееся в глазах страдание под окаменевшими веками. Высвободила из его рук свои ладони, подняла вверх, начала медленно стягивать с плеч бретельки платья.

Рогов остановил ее, схватив за локоть:

– Нет, Таечка, не сейчас, что ты! Не здесь и не сейчас.

– Филипп... Прости, я не понимаю, чего ты от меня хочешь.

– Чего я хочу, Таечка? Но ведь это так просто... Неужели ты меня совсем, совсем не любишь? Разве тебе никогда не приходило в голову меня пожалеть? Посмотри, как я жалок, как я унижительно выпрашиваю хоть каплю любви. Неужели так трудно меня понять? Нет, я даже не любви прошу, просто легкий шажок навстречу. Пусть лживый, пусть коварно стервозный... Неужели это так трудно, Таечка?

В его голосе все нарастала и нарастала угроза, и ладонь все сильнее сжимала предплечье девушки. Наконец она произнесла тихо и вымученно, морщась от боли:

– Я тебя люблю, Фил... Я тебя люблю...

Он тут же схватил ее, усадил к себе на колени, развернул за подбородок лицо:

– Повтори! Повтори еще!

Она повторила послушно, с той же вымученной интонацией:

– Я тебя люблю, Фил. Я тебя люблю.

Он зарычал, отторгая от себя эту вымученность, с силой тряхнул Таю за плечи, грубо провел руками по маленькой груди, сминая платье. Тая обмякла в его руках, как тряпичная кукла, губы послушно приняли его жадный и долгий поцелуй.

– Ты моя девочка, только моя... Ничего, ничего, ты повзрослеешь, ты полюбишь... – говорил он себе под нос, унося ее на руках вверх по лестнице. – Тебе же хорошо со мной, просто ты пока не понимаешь, глупая...

Вдруг он замер, постоял секунду, переживая на вдохе острую сердечную боль. Не метафорическую, а самую настоящую, остро отдающую в левое плечо. Так некстати... Но сейчас отпустит. Должна отпустить. Некстати, некстати!

* * *

Во сне Тая опять видела маму. Всякий раз мама снилась по-разному – бывала и грустной, и веселой, и просто задумчивой. Но вот что странно – во сне мама никогда с ней не разговаривала, просто обозначала свое присутствие выражением лица. Именно таким – грустным, веселым или просто задумчивым.

А сегодня приснилось, что мама плачет. Вернее, мамины глаза во сне плакали, но лицо при этом оставалось безучастным. И ничего странного в этом не было. Просто маме было стыдно за свою дочь. Стыдно и горько.

Тая всхлипнула, окончательно просыпаясь, натянула на голову легкое шелковое одеяло. Как хорошо, что Филипп рано проснулся и ушел. Как хорошо, что она одна. Можно полежать под одеялом, спрятавшись от мира, где живет один стыд, ничего, кроме стыда. Можно спрятаться от своего мерзкого тела, от смятых простыней, от маминого стыда тоже спрятаться.

В дверь осторожно постучали, и Тая вздрогнула, выпростала наружу лохматую голову, прохрипела сонно:

– Да... Кто там?

– Это я, Татьяна... Доброе утро, Таечка, – послышался из-за двери голос домработницы, щедро сдобренный нотками показушного подобострастия.

– Да, доброе утро... А что случилось?

– Ой, да бог с вами, ничего не случилось. Я просто спросить пришла – что вам на завтрак приготовить? Я думала, вы проснулись уже. Извините.

– Спасибо, Татьяна, я ничего не хочу. Я кофе попью и бутерброд какой-нибудь себе сделаю. Сама... Потом, позже...

– А может, вам в спальню кофе принести?

– Нет, что вы, не надо! Я уже встаю, скоро спущусь.

– А может, все-таки покушаете что-нибудь? Творог домашний есть, свеженький, я утром откинула. Филипп Сергеевич любит по утрам кушать домашний творог! Он просил и вас накормить... Пожалуйста, Таечка!

– Хорошо, спасибо.

– Так будете?

– Да, буду... Сейчас в столовую спущусь.

«Уйдет она от двери когда-нибудь или нет, – думала Тая. – Пристала со своим дурацким «кушать»... И слово противное, и голос противный, подобострастный. И нисколько не хочется ее творога, пусть и свеженького, и утром откинутого. И вообще, что значит – откинутый? Куда она его откидывает? От себя, что ли?»

Ничего не поделав, пришлось выползть из постели, тащиться в ванную, принимать душ, причесываться, натягивать шорты с футболкой. А еще выражение лица перед зеркалом тренировать – убирать с него страх, стыд и ощущение собственного ничтожества. Незачем этой Татьяне знать, кто она есть на самом деле. Для нее она молодая хозяйка, пусть так и будет.

А творог оказался и впрямь вкусным – съела в момент все, что было в тарелке. И кофе Татьяна умела варить, надо отдать ей должное. А самое главное – молчала, с вопросами больше

не приставала. Принесла-унесла, улыбнулась кротко. Но все-таки – лучше бы ее вовсе не было. Хоть убей, но чувствовалось за этой кротостью злое человеческое любопытство.

– Спасибо, Татьяна... Все было очень вкусно.

– На здоровье, Таечка. В обед что будете кушать?

– Не знаю. Да мне все равно... И вообще... Я хотела вас отпустить на сегодня.

– Отпустить? Как это – отпустить? – застыла Татьяна, держа перед собой поднос с грязной посудой.

– Да обыкновенно как. У вас ведь, наверное, накопились какие-то свои дела?..

– Да нет у меня никаких дел, что вы. И работы по дому много. Надо рубашек Филиппу Сергеичу нагладить, надо наверху убрать... Нет, что вы. Хотя спасибо, конечно...

Тая улыбнулась, пожала плечами. Ничего не ответив, поднялась в спальню, задумчиво встала у окна. И что делать? Надо как-то жить этот день... Очередной день ее никчемной стыдной жизни. Пойти к бассейну, что ли? Нырнуть с головой в прохладную воду... Вспомнить бы еще, где купальник...

Из окна спальни она увидела, как подъехал на черной машине Клим, как сердито крикнул в раскрытое окно кухни:

– Татьяна! Выйди на минуту, разговор есть!

Тая тихо распахнула створки окна, прислушалась. Татьяна вышла на крыльцо, спросила игриво:

– Ну чего, чего тебе, Климушка? Неужели соскучился?

– Если б соскучился, в другое место позвал бы.

– Так позови...

– Некогда мне, забот много.

– Так уж и много? А я думала...

– Отстань, а? Нашла время... Скажи лучше, почему охранника на воротах нет?

– А ты кто, Климушка? Не охранник разве?

– Да ладно придуриваться, я по делу спрашиваю. Стало быть, и ты по делу отвечай.

– Ох, ох... Больно строг ты, батюшка. А парнишку-охранника я домой отпустила, зубы у него заболели. Жалко мне его стало, вот и отпустила.

– А не много на себя берешь, Тань?

– Нет, Климушка, не много. За меня не беспокойся, я все свои права знаю и обязанности соблюдаю. Слишком уж ты суров ко мне, Климушка. Не заслужила я.

– Ладно, ладно, не причитай. Иди кофе мне сделай. Да покрепче, как я люблю. И чтобы со сливками. И сахару не жалея.

– Да знаю я, как ты любишь. Пойдем на кухню.

– Нет, я у бассейна буду, туда мне принесешь.

– Что, прям как хозяину? – насмешливо произнесла Татьяна, поворачиваясь, чтобы уйти. – Не много на себя берешь, Климушка?

– Давай-давай... Рассуждай меньше, здоровее будешь.

– Это ты верно сказал... Меньше знаешь, крепче спишь. Иди, я сейчас принесу.

Тая видела, как медленно идет Клим к бассейну, небрежно сунув ладони в карманы джинсов. Как со вкусом устраивается в шезлонге, блаженно прикрыв глаза и расстегивая пуговицы на белой рубашке. Как блестит на солнце гладко бритая голова...

Вздрогнув от омерзения, девушка отступила от окна, задумалась на секунду. Решение созрело мгновенно, и она даже удивилась, как это ей сразу не пришло в голову.

Кубарем скатившись по лестнице, она влетела на кухню, насмерть перепугав домработницу:

– Татьяна, дайте мне ручку и листок бумаги! Я вам список напишу, что мне надо купить! Филипп сказал, чтобы вы съездили в магазин и купили мне все, что нужно!

– Да... Да, я сейчас... Только кофе отнесу...

– Нет, кофе потом! Сначала ручку и бумагу!

– Хорошо, хорошо... Вот, пожалуйста.

Пока Тая писала, Татьяна стояла в отдалении, косясь на приготовленный для Клим поднос. Потом, вздохнув, тихо и жалобно констатировала:

– Кофе остынет... Клим не любит, когда холодный...

– Вот! – протянула ей Тая исписанный листок. – Это мне надо срочно! Возьмите Клим, пусть он вас отвезет в магазин!

– А позже нельзя? Я бы после обеда.

– Нет, нельзя. Филипп сказал, что вы поедете в магазин тогда, когда я вас об этом попрошу. А я прошу вас поехать сейчас, мне так надо.

Тая сама удивлялась своей наглой требовательности – откуда что взялось, интересно? Наверное, молодые хозяйки так себя и ведут, и ничего странного и наглого в этом не видят... Наверное, Филипп и похвалил бы ее даже, если бы услышал эти спесивые нотки в голосе. Он же не знает, что эти нотки нужны для дела, чтоб исполнить в одну секунду задуманное – там, у окна спальни...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.